

ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК СЕГОДНЯ

Александр КУЗНЕЦОВ

Старший научный сотрудник филологического направления (секция языкознания) Чувашского государственного института гуманитарных наук

Чувашский язык в настоящее время переживает не лучшие времена. Это относится, наверное, почти ко всем языкам нерусских народов, в настоящее время расселённых во многих регионах Российской Федерации. Чуваши — народ, численность которого в России составляла 1 миллион 637 тысяч 200 человек, из них в Чувашской Республике — 889 тысяч 300 человек (2002 г.). Проживают они преимущественно в Среднем Поволжье и Приуралье.

В Республике Татарстан их 126,5 тысячи человек, в Республике Башкортостан — 117,3 тысячи. В Ульяновской области чувашей 111,3 тысячи человек, в Самарской области — 101,4 тысячи, в Оренбургской области 17,2 тысячи, в Саратовской — 16 тысяч человек, в Московской области — 12,5 тысячи, в Свердловской — 11,5 тысячи человек, в Нижегородской области — 11,4 тысячи. Значительные группы чувашей расселены в Сибири. В Тюменской области их 30,2 тысячи человек, в Красноярском крае 16,9 тысячи, в Иркутской области — 7,3 тысячи человек. В столичных городах, в Москве — 16 тысяч, в С.-Петербурге 6 тысяч человек. За пределами Чувашской Республики проживает 45,7% всех чувашей [Иванов, 2011].

За период с 2002 по 2010 год количество чувашей, указавших свою национальность в переписном листе, значительно уменьшилось. Чувашей, владеющих родным языком, по последней переписи насчитывается 1 253 098 человек. Язык является «единственным интеллектуальным и духовным продуктом», который чувашки могут «достойно предъявить миру» [Хузангай, 2010, с. 4]. Однако в «Российской газете» говорится: «При рассмотрении национального состава населения следует иметь в виду, что на численность населения отдельных национальностей могло повлиять то, что население имело право не отвечать на вопрос о национальной принадлежности... В 2010 году владение русским языком указало 138 миллионов человек. Среди других языков наиболее распространёнными являются английский, татарский, немецкий, чеченский, башкирский, украинский, чувашский» [Вот такие мы, 2011].

Чувашскому языку предрекали гибель еще в XVIII–XIX веках. В 2009 году эксперты ЮНЕСКО причислили чувашский язык к языкам, находящимся в опасности, вместе со 135 языками народов России. В российской социолингвистике наш язык включают в число среднеразвитых тюркских языков наряду с башкирским, якутским, тувинским и крымско-татарским, которые сохраняют свою жизнеспособность в течение длительного времени [Хузангай, 2011].

Чувашско-русское двуязычие начало приживаться среди чувашей во второй половине XX века и к концу XX века стало практически массовым, являясь при этом односторонним, а не паритетным. С точки зрения распределения общественных функций, которые выполняют чувашский и русский языки в Чувашской Республике, чувашско-русское двуязычие можно квалифицировать как «перевёрнутое», асимметричное, а чувашский язык — миноритарным языком.

По уровню владения обоими языками двуязычие в Чувашской Республике и двуязычие среди чувашской диаспоры, а также среди населения городов и сёл (где преобладает чувашский язык) различаются значительно. Во многих местах относительно компактного проживания чувашей (за исключением Урало-Поволжья) число лиц чувашской национальности, считающих родным русский язык или владеющих им свободно, достигает более 50% [Хузангай, Двужычие...].

Культурно-языковая политика в Российской империи и позднее в советский период (за исключением краткого периода языкового строительства 1920-х годов) не способствовала полноценному развитию чувашского языка как языка образования, СМИ, литературы, культуры, науки, официально-делового. Функции государственного чувашский язык выполнял номинально, его общественные функции развивались недостаточно [Хузангай, Двужычие...]. М. М. Михайлов отмечал, что двуязычие продиктовано спецификой многонационального советского государства, опирающегося на два равно важных начала — на всемерное развитие экономики и культуры каждого из советских народов и на постоянное укрепление единства этих народов. «Первое требует развития языка каждого данного народа, второе — самого широкого распространения русского языка» [Михайлов, 1989]. Данные слова чувашского исследователя, как нам представляется, не устарели до сих пор. К сожалению, не всегда представители русского и других народов, проживающие среди чувашей, считают важным понять и претворить в жизнь такие истины, как «Кратчайший путь к сердцу народа — научиться говорить на его языке. Ибо в устах иноязычного человека ничто не ценят люди так высоко, как речь на их языке. Таков веками сложившийся этнопсихический феномен каждого народа». Вопросы двуязычия ныне затрагивают судьбы миллионов людей, данная проблема, бывшая недавно сугубо академической, стала чуть ли не общенародной [Михайлов, 1989].

В. Д. Дмитриев выражает обеспокоенность тем фактом, что предки чувашей через тысячелетия пронесли и сохранили свой язык, свою культуру и т.д., а современное поколение стремительно теряет это достояние. Ежегодно тысячи чувашей отрекаются от своего народа, не желают говорить на родном языке, боятся быть чувашами. Хотя сами русский язык как следует не выучили, к культуре этого народа не приобщились. Историк говорит, что ни в коем случае не надо хулить русский язык и русскую культуру, так как мы уже больше четырёх веков живём в составе России, мирно сосуществуем с русским и другими народами России, к мировой культуре приобщаемся, познаем её через русский язык и культуру. Выучив русский язык, не следует отказываться от родного языка. Забывание родного языка, отказ от родной культуры ведут к гибели народа [Димитриев, 2001]. Взаимовлияние языков вызывает конкуренцию, в которой национальные языки оказываются в невыгодном положении. Распространение русского языка не свободно от предубеждений, так как он воспринимается как альтернатива родному. Необходимость языка межнационального общения и статус русского как языка межнационального общения никем не оспаривается и не подлежит обсуждению. Людей беспокоят гарантии для сохранения и развития национальных языков [Егоров, 1991].

Как видим, двуязычие, билингвизм учёными в основном приветствуется, но только в том случае, если русский не вытесняет родной язык. На момент

распада СССР большинство нерусских народов, в него входивших, владело в той или иной степени русским языком. В некоторых ситуациях русский язык оказал вытесняющее воздействие, становясь единственным родным языком для представителей нерусских этносов. Исследователей беспокоит та обстановка, при которой преимущественное использование русского языка, характерное для города, потихоньку охватывает и сёла Чувашской Республики. В чувашских сельских населённых пунктах, расположенных вне Чувашии, подобный процесс происходит в несколько раз быстрее. В Финляндии финны и шведы, кроме владения своими родными языками, могут свободно общаться друг с другом на языке другого народа. А у нас русский язык вытесняет родной [Андреев, 1991].

Влияние неродственных языков прослеживается на всех уровнях чувашского языка — фонетическом, лексическом и грамматическом. В последнее столетие, в связи с неуклонным расширением масштабов чувашско-русского двуязычия, повлёкшим за собой массовый приток русской и интернациональной лексики, произошли заметные сдвиги в фонетической системе и синтаксических структурах. Под влиянием русского языка стали продуктивными многие словообразовательные модели. Сложилась фонологическая подсистема, характерная только для заимствованной лексики. В лексике выделяются исконные чувашские, общетюркские и заимствованные слои. Русские заимствования проникают в основном в терминологическую, частично и в бытовую лексику («пальто», «костюм»). Перевести на чувашский «аванзал», «борщ», «декольте» и другие слова сложно. Чувашский язык богат исторической лексикой, но в то же время вбирает в себя заимствования из других языков. В основном из русского, который и сам обогащается иностранными заимствованиями [Дегтярёв, 1999].

Л. П. Крысин отмечал, что для исторической эволюции почти каждого естественного языка характерен процесс заимствования единиц из других языков, контактирующих с данным. К заимствованию носители языка часто относятся с подозрительностью: зачем что-то брать у других — разве нельзя обойтись средствами родного языка? Зачем нам «имидж», «саммит», «консенсус», если есть исконные слова (Например, в чувашском языке им соответствуют «сăнар», «сӳллӗ шайри тӗл пулу», «килӗшӳ». — А. К.)? У всех на слуху многочисленные экономические и финансовые термины типа «бартер», «брокер», «дилер», «инвестиция», «маркетинг», «фьючерсные кредиты» [Крысин, 2000].

Обращая внимание на важный пласт терминов, относящихся к Интернету, компьютерной технике, Г. А. Дегтярёв и И. В. Алексеев пишут, что основной проблемой локализации является подбор чувашских компьютерных терминов, эквивалентных англоязычным. Формирование национальной компьютерной терминологии стало велением времени, требованием современной жизни. Массовая компьютеризация и проникновение сетевых технологий в повседневную жизнь человека превратили современных людей в юзеров — пользователей, применяющих компьютер не только в профессиональной деятельности, но и в быту. Выросло «компьютерное поколение» чувашей, активно потребляющее информацию в цифровом формате, вовлечённое в новые формы коммуникативной активности. В нашем языке ещё не сформировалась своя система обозначения компьютерных реалий, не сложилась околотерминологическая среда, поэтому в речи чувашеязычных пользователей доминируют

русские обороты с чувашской «инкрустацией»: «компьютера включить ту», «домашни страницәна ус», «последни документи сине пус», «личнай даннайне удалить ту» и т. п. В этих условиях облечение понятий компьютерной сферы в материальную форму чувашского языка, чувашизация компьютера стали бы существенным вкладом в повышение языковой культуры и компьютерной грамотности народа, весомой поддержкой развитию чувашского языка, а также способствовали бы приобщению к нему молодого поколения. Компьютерная культура могла бы стать неотъемлемой частью современной национальной культуры [Дегтярёв, 2010].

Проблема сохранения и полномасштабного функционирования чувашского языка имеется. Так, по данным переписи 1989 года, чувашский язык считали родным 85% чувашей, при этом в городах доля таких лиц была заметно ниже — 69,4%. Данные микропереписи 1994 года зафиксировали если не повышение, то сохранение доли тех чувашей, которые считают своим родным языком чувашский: 86,0% — все обследованные чуваша и 69,7% — городские. А. Хузангай убеждён, что если вести речь «о языковом существовании чувашского этноса», то следует признать отсутствие реального чувашско-русского двуязычия (билингвизма) и наличие неравнофункционального двуязычия (диглоссии). Билингвизм имеется лишь на микроуровне среди малых социальных групп чувашского этноса (научно-гуманитарная и художественная «элита», чувашское учительство, представители чувашских mass-media).

На территории Чувашии чувашский язык не имеет статуса государственного и не реализует в полной мере свои функции [Хузангай, Двуязычие...]. Исследователь отмечает, что в целом языковая ситуация на территории распространения чувашского языка является несбалансированной с доминирующим русским языком в общественной (официальной) сфере и социально значимых сферах общения (образование, торговля, общественный транспорт, здравоохранение и т. д.), с сохранением чувашского языка в семейно-бытовой (неофициальной) сфере и отчасти в этнокультурной (духовной) сфере. Внутренние оценки чувашского языка носителями других языков и исконными носителями в плане его коммуникативной пригодности, социальной престижности, культурной значимости, жизненности не являются высокими [Хузангай, 2011].

Неравенство государственных языков выражается в том, что знание русского языка, безусловно, обязательно для получения образования, профессии в государственной и производственной сферах. Знание чувашского языка на практике не требуется нигде. Это наглядно проявляется среди городского населения: для большей части молодых чувашей родной — по сути, чужой. Чувашский язык, будучи родным языком абсолютного большинства населения республики, фактически выполняет лишь функции языка деревенско-бытового общения, интенсивно теряет авторитет у подрастающего поколения. Двуязычие в Чувашии одностороннее и создаёт определённую напряжённость в национальных отношениях [Иванов, 1999].

Полноправный билингвизм в национально-территориальных регионах в современных условиях практически невозможен, поскольку коммуникационная сфера, которую обслуживает русский язык, в том числе в самих регионах, гораздо шире и объёмнее, чем приходящаяся на любой другой язык. Выровнять их применение путём принятия жёстких нормативных актов — путь в никуда. Реальное направление — поддержка школьного образования, искусства

и литературы, книгоиздания, СМИ и т. д. Самыми активными агитаторами чувашского языка могут быть яркие постановки чувашской оперы, литературные и художественные произведения, о которых говорят, современные эстрадные исполнители, танцевальные ансамбли, выделяющиеся исполнением народной музыки и т. д., а не строгие, на первый взгляд, законы, нормы которых не выполняются [Бойко, 2011].

Важнейшим вопросом национальной самоидентификации является владение родным языком. Одним из постоянных и центральных сюжетов в дискуссиях о судьбах этноса является проблема изучения языка и сфера его применения. Потеря языка будет означать и конец существования этноса. При этом озабоченность вызывает не только знание языка, но и отношение к нему через определение в качестве родного. Важнейшей миссией государства должно быть создание условий для развития и публичного функционирования языка. В первую очередь это обучение языку в школах и дошкольных учреждениях, поддержка национального искусства, литературы, национальных СМИ, книгоиздания, общественных проектов национально-культурных объединений [Володина, 2010].

Мы согласны со словами А. П. Хузангая, что в таких сферах, как образование, духовная культура и средства массовой информации, здравоохранение, и чувашский, и русский языки должны быть задействованы в равной мере. Это приоритетные сферы, которые могут регулироваться государством и которые влияют на качество литературного языка. Но есть улица, магазин, базар, ресторан, общественный транспорт — в каждодневном быту возникает много речевых ситуаций, когда неплохо было бы и даже выгодно употребить чувашский язык хотя бы с тем, чтобы расположить к себе собеседника. Многоязычие Европы реализуется в практике экономических, торговых и культурных отношений. Надеемся, что и Россия когда-нибудь станет многоязычной, мультикультурной и цивилизованной страной. Ей по статусу положено, исходя из принципа федерализма, который прописан и в Конституции [Хузангай, 2010].

Языковую ситуацию наряду с объективными факторами (демографическими, социально-экономическими, культурно-историческими, этнолингвистическими условиями языкового существования социума) определяют субъективные — уровень национально-языкового самосознания и ценностные ориентации народа, его привязанность к родному языку и желание вывести его из униженного положения. Хотя формирование потребительского общества с тотальной коммерциализацией отнюдь не способствовало развитию таких языков, как наш, в 1990-е годы чувашский язык в целом укрепил свои позиции — увеличился коммуникативный потенциал, расширился языковой коллектив. Однако если в ближайшее время национально-языковая политика не станет неотделимой частью социально-культурной политики в республике и России, мы можем потерять и достигнутое.